

~ Федор Конюхов ~

МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ

ИСТОРИИ ЛЕГЕНДАРНОГО
РОССИЙСКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Федор Конюхов

МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2015

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 910.4
ББК 26.89
К65

Издание предназначено для лиц старше 18 лет

Конюхов, Федор

К65 Мои путешествия / Федор Конюхов. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 336 с. : ил.

ISBN 978-5-00057-393-8

Федор Конюхов — известный российский путешественник, яхтсмен, альпинист и полярник, он много раз отправлялся в путь, для того чтобы осуществить свои мечты — добраться в одиночку до «верхушки мира», совершить кругосветное плавание, покорить Эверест...

Эта книга о путешествиях, мечтах и преодолении. Увлекательный роман об опасностях, подстерегающих человека, бросившего вызов стихиям. Он сможет перенести вас на вершины неприступных гор, в далекие океаны и холодные полярные льды, даст возможность ощутить торжество духа человека.

УДК 910.4
ББК 26.89

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельцев
авторских прав.*

*Правовую поддержку издательства
обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».*

VEGAS LEX

ISBN 978-5-00057-393-8

© Федор Конюхов, текст, иллюстрации, 2015
© Оформление, ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Глава 1. Матачингай, путь к вершине _____	7
Глава 2. Северный полюс. Песня вечности _____	31
Глава 3. «Караана». Первое кругосветное плавание _____	69
Глава 4. Эверест — птица, взлетевшая выше других птиц _____	265
Глава 5. Кругосветное плавание на яхте «Формоза» _____	287

По неведомым мне причинам
я родился не для легкой жизни,
а для наслаждения ею
через преодоление трудностей.

Федор Конюхов

Глава 1

МАТАЧИНГАЙ, ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

С начала мира снега, здесь накопившиеся, обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в бес-
предельность и сливаются с облаками.

*Сюаньцзан**, VII век

* Сюаньцзан (602–664) — ученый, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан. *Здесь и далее прим. ред.*

Таинственные вершины

24 апреля 1984 года

Я давно задумал одиночное восхождение на какую-нибудь вершину. Выбрал горы Чукотки, Матачингай. И когда ледокол «Москва» вводил океанский транспорт «Капитан Марков» в залив Креста*, ломая лед своим могучим форштевнем**, уже тогда я не разочаровался в своем решении.

Это высочайший хребет Северо-Восточной Азии. Снежные пики уходят в тучи, создается впечатление, что Матачингай надежно закрыт от глаз человека. Это и привлекло меня, я уверился, что нужно обязательно совершить подъем и увидеть эти таинственные вершины. И все, что мне откроется, отобразить на своих картинах, чтобы показать людям.

Уже на второй день после швартовки «Капитана Маркова» к причалу поселка Эгвекинот*** я для разминки поднялся на близлежащую гору высотой около тысячи метров. Пробрался

* Часть Анадырского залива Берингова моря у южного берега Чукотского полуострова. Административно относится к Иультинскому району Чукотского автономного округа.

** Толкование специальных терминов (морских, альпинистских и т.д.) см. в «Словаре терминов» на сайте издательства: <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/books/moi-puteshestviya/>.

*** Поселок расположен на Чукотке, в 32 километрах южнее полярного круга, на берегу залива Креста в Беринговом море. Неподалеку находится Берингов пролив, разделяющий Россию и Канаду. Поблизости — гора Матачингай и бухта Этелькуюм.

Одиночное восхождение на вершину горы Матачингай

Высота — 2798 метров над уровнем моря

Старт 30 апреля 1984 года

Финиш предположительно 8–9 мая 1984 года

на самую вершину и с нее увидел великолепную бухту Этелькуюм с Эгвекинотом. Устроил бивак, начал рисовать. После первых линий, появившихся на чистом листе бумаги, почувствовал, что это кощунство — карандашами выводить ослепительно белые контуры гор. Белым было буквально все — от подножий до вершин, о черном цвете не было и напоминания. Переполненный этой белизной и тишиной, я закрыл альбом и спустился вниз.

Начало пути

29 апреля 1984 года

Утром я покинул Эгвекинот и выехал к подножию Матачингая: нагрузил на вездеход альпинистское снаряжение, палатку и запас еды на несколько дней. Местные жители высказали некоторое беспокойство по поводу моей затеи в одиночку подняться на вершину хребта, но я и слышать ничего не хотел о том, чтобы взять с собой еще кого-нибудь. Меня предупреждали, что в это время на вершинах снег ненадежен, и советовали идти только в ночное время, когда мороз держит карнизы. И я буду следовать этому совету.

Отсюда ведь можно и не вернуться

30 апреля 1984 года

Я принял решение подняться на основной хребет и идти по нему до самой высокой точки Матачингая. Сегодня начал подъем. Внизу много снега. Идти было тяжело. Жарко. А стоило остановиться, как сразу начинал мерзнуть. Поднялся метров на двести и вошел в туман, сопровождаемый мелким снегом, и почувствовал, что не хватает мне сил и калорий работать в быстром темпе.

Дело в том, что я еще не отдохнул от предыдущей экспедиции (в море Лаптевых)*, там шел на лыжах с группой Шпаро**. В полярную ночь при низкой температуре мы преодолели на лыжах 500 километров по торосам полярного моря. Помню, раньше, когда собирался в какой-либо поход или экспедицию, готовился основательно — тренировался, набирал вес. А сейчас, с годами, желание готовиться притупилось. Да и времени нет. Несколько последних лет я постоянно нахожусь в походах или экспедициях. По восемь-девять месяцев не бываю дома в бухте Врангеля***.

Решил отдохнуть, устроился поудобнее под карнизом и сказал себе: «А все-таки Чукотка красива необыкновенно». Говорил шепотом, чтобы не нарушить первозданной тишины. Подкрепился галетами и стал ждать, пока на гребень не опустится ночь и можно будет продолжить подъем.

Снег тихо подал, камни становились скользкими, я шел в большом напряжении, зная, что ошибки недопустимы. Мороз усиливался, в меховых перчатках было тепло, но без них руки моментально замерзали. Приходилось постоянно рубить ступени: одной рукой я вгонял скобу для крепления бревен в лед, затем, держась за нее и сохраняя равновесие, работал ледорубом. От напряжения до колки затекали мышцы ног — трудно давалась устойчивость. Резкие уколы льдинок, брызгающих из-под ледоруба в лицо, дополняли неприятные ощущения.

* Лыжная научно-спортивная экспедиция в море Лаптевых. Первая полярная экспедиция Федора Конюхова в составе группы Дмитрия Шпаро.

** Шпаро, Дмитрий Игоревич (род. в 1941 году) — известный советский и российский путешественник и писатель. Его экспедиция 1979 года первой в мире достигла Северного полюса на лыжах.

*** Бухта на востоке залива Находка Японского моря. Вход в нее расположен между мысами Каменского и Петровского. Длина 3,5 километра, ширина 1,5 километра. На берегах бухты находится глубоководный Восточный порт (глубины у причалов около 16 метров, длина причальной стенки — 12 километров). Открыта экспедицией Василия Бабкина в 1860 году. Названа в честь русского мореплавателя Бернгарда Врангеля.

Удар ледорубом, еще удар... Ступень готова. Вниз не смотрел. Лучше всего глядеть под ноги или вверх — там тянулся ледовый гребень, острый как лезвие ножа, покрытый густой серой пеленой чукотского тумана.

Мелькала мысль: не вернуться ли назад? Ведь рисковал я многим. Но другая мысль заставляла продолжать подъем: я должен почувствовать горы, без этого не получится серия графических листов о вершинах Северо-Восточной Азии.

Многие думают, что художник создает полотна, сидя в теплой мастерской. Не у всех так! Мои графические листы достаются мне иначе, мои работы — это события, мною пережитые и прочувствованные, это мои мысли, мое восприятие окружающего.

Начал идти густой снег, так что на вершину Матачингая я поднимался вслепую — вперед вел сам гребень. Стальные кошки перестали быть надежной опорой. Через каждый шаг, чаще, чем обычно, я рубил ступень опоры. Синий лед со злостью отбрасывал ледоруб, не хотел поддаваться его ударам.

Я останавливался все чаще, упирался головой в ледоруб, чтобы отдышаться и расслабить мышцы спины, потом снова ожесточенно колотил ступени. Так работал часов восемь, пока не вышел на небольшой каменный выступ. Сбоку от него лед был мягче и податливей. К утру я выдолбил в нем нишу, сделал крышу из штормовки. Импровизированный дом утеплил густой, нескончаемый снегопад.

Вскипятил на примусе полкружки чая — берег бензин, так как взял его совсем немного из-за приличного веса рюкзака. Выпил неостуженный. Темнота в жилище усыпляла. Стоило сомкнуть глаза, как предательское тепло растекалось по телу, становилось легко и покойно. «Не спать, — приказывал я сам себе, — иначе можно не вернуться, навсегда останешься здесь, на гребне Матачингая. Внизу осталось много дел!»

Провел рукой по усам и бороде, собрал в пригоршню примерзшие к ним сосульки и отправил в рот. Но они вызвали еще большую жажду. «Черт понес меня в эти горы, — подумал я, — в этом году и так было три экспедиции. Старый дурак! И все тебе мало. Когда будешь жить, как все люди?» Всячески распекая себя, я твердо решил никогда больше не подниматься в горы в одиночку, да еще на севере. Правда, такие клятвы я давал и раньше.

Сбросил куртку, закрывающую вход в мою ледяную пещеру, взглянул на гряду вершин — горы точно сошли с полотен Рериха*. Достал альбом и карандаши и начал делать зарисовки. Я прекратил самобичевание, с каждой линией приходила уверенность, что все я делаю правильно: поднимаюсь в горы, хожу по льдам Северного Ледовитого океана, гоняюсь с эскимосами на собаках по Чукотке... «Никакой музей, никакая книга, — говорил Николай Рерих, — не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность — это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений. Горы — везде горы, вода — везде вода, небо — везде небо, люди — везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, то что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать».

Сделал несколько зарисовок цветными карандашами, а что не успел — пометил словами: где какой цвет. И продолжил основную работу — подъем к вершине.

* Рерих, Николай Константинович (1874–1947) — культурный деятель России XX века. Автор идеи и инициатор Пакта Рериха, основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира». Русский художник (создатель около 7000 картин, многие из которых находятся в известных галереях мира), писатель (около 30 литературных трудов), путешественник (руководитель двух экспедиций в период 1923–1935 годов). Общественный деятель, философ, мистик, ученый, археолог, поэт, педагог.

Утверждая «дух человека»

3 мая 1984 года

Здесь царит настоуженная, чуткая тишина. Даже ветер совсем утих, все словно в предчувствии чего-то. Жутковато.

Стою в нерешительности, до вершины несколько сотен метров. Говорю себе: «Ну что, Федор, готов? Наоми Уэмуре* было тяжелее».

Я часто повторяю эти слова. Ведь Уэмуре для нас, путешественников, — идеал, он постоянно утверждал «дух человека». И сейчас, находясь здесь, на гребне Матачингая, я могу острее понять то одиночество, что испытывал японский путешественник.

Его уже нет в живых, 12 февраля альпинист совершил восхождение на гору Мак-Кинли**, высота которой 6193 метра, и не вернулся в базовый лагерь. На эту высочайшую вершину Северной Америки Уэмуре поднялся во второй раз — впервые Мак-Кинли была покорена им весной 1970 года.

До Уэмуре никто не пытался подняться на эту вершину зимой. Но он это сделал! Последний раз альпиниста заметили 15 февраля на склоне на высоте 5180 метров. Но затем его след был потерян, на связь он так больше и не вышел. 1 марта в прессе появилось сообщение: «Поисково-спасательная служба США в штате Аляска отказалась от продолжения дальнейших поисков японского путешественника Наоми Уэмуре».

* Уэмуре, Наоми (1941 — предположительно 13 февраля 1984) — японский путешественник, проходивший по экстремальным маршрутам в разных точках мира. Многие путешествия совершил в одиночку.

** Двуглавая гора на Аляске. Находится в центре национального парка Денали. Названа в честь 25-го президента США Уильяма Мак-Кинли.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Этот человек обладал сдержанностью и внутренней силой, он говорил: «Смерть — этот вариант не для меня. Я должен вернуться туда, где меня ждут, — домой, к жене». И добавлял: «Я непременно вернусь, потому что меня надо хотя бы иногда кормить».

Как назвать это чувство?

5 мая 1984 года

В три часа пополудни открылся большой снежный конус. Вот она, вершина, до нее осталось несколько метров. И только тогда я почувствовал чугунную усталость во всем теле. Остановился, достал кусок колбасы, начал жевать, оглядываясь по сторонам. Картина знакомая, привычная: вершина как вершина, камни выглядывают из-под снега и льда. Это я видел много раз. Но все равно пришло чувство радости, что дошел, добрался до цели. Рядом с этой радостью, вытесняя усталость, выросло другое чувство. Оно вливалось в меня теплом, согревало душу. Как назвать это чувство? Гордость? Счастье? Ощущение собственной силы? Может быть. Во всяком случае, сейчас я был уверен, что смогу создать цикл картин «Вершины Матачингая».

Почему-то вспомнилась осень 1969 года, когда я курсантом мореходной школы Кронштадта поднялся на бом-брам-стенгью учебного судна «Крузенштерн»*.

Когда получал увольнительную в город, я всегда первым делом отправлялся к набережной на берегу Финского залива. Оттуда

* Четырехмачтовый барк, российское учебное парусное судно. Построено в 1925–1926 годах на верфи Дж. Текленборга в Германии, при спуске названо «Падуя». В 1946 году перешло по репарациям в собственность СССР и переименовано в честь известного русского мореплавателя адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна. Порт приписки — Калининград. Судно неоднократно совершало трансатлантические и кругосветные экспедиции.

открывался вид на порт, весь забитый судами. Из их труб извергались клубы черного дыма и белого пара и плавно поднимались к серому балтийскому небу. Под нескончаемые гудки буксиров и равномерный громкий гул больших пароходов, которые снимались с якоря или входили в порт, я расхаживал по набережной и вдыхал свежий морской воздух с примесью различных ароматов: цитрусов, привезенных с острова Мадейра, специй из Индии, сибирской древесины. Я зачарованно следил, как выгружались и загружались трюмы океанских пароходов. Мелькали коробки, тюки, какое-то оборудование.

Но больше всего мне нравилось любоваться силуэтом парусника «Крузенштерн». Он уже несколько лет стоял на ремонте у причала, его мачты горделиво возвышались над этой суетой. Однажды с бьющимся от волнения сердцем я подошел к трапу барка и неуверенно начал подниматься на палубу. Меня заметил вахтенный матрос — молодой парень с худым лицом. Он мне чем-то сразу понравился. «Хочу посмотреть ваш корабль, можно?» — спросил я тихо. Внимательно оглядев меня, он ответил, что можно.

Меня охватила радость. Вместе со мной улыбнулась и природа — выглянуло солнце из-за туч, озарив светом палубу, — редкое явление в Кронштадте. Я почувствовал, что парусник принял меня.

Палуба была завалена канатами и тросами, цепями и парусами. Нельзя было сделать и шагу, чтобы что-то не задеть. И в этом странном окружении, казавшемся мне хаосом, работали люди — они чинили бегучий такелаж.

Осмелев, я попросил вахтенного разрешить мне взобраться на реи. «Ишь, чего захотел, — ответил он, засмеявшись. — Вот кончишь мореходку, приходи к нам работать. И тогда ты полазишь по ним столько, что тебе осточертеет». Но я настаивал, и вахтенный сказал приходить ночью.

В те сутки дневальным по роте был мой товарищ Анатолий Кутейников. Он разбудил меня, как я его и просил, в 00:00. В кубрике было темно, полночь — самое время уйти в самоволку. Я спрыгнул с койки второго яруса, надел штаны и бушлат, обулся и вышел из кубрика, только слышал, как Толик осторожно прикрыл за мной дверь. На меня сразу пахнуло ночной прохладой, над головой, между звездами, светила луна. Одним махом перелез через забор и напрямик по каменной мостовой помчался в порт.

Увидев, что я все-таки пришел, вахтенный уточнил: «Полезешь?» — «Да, конечно,» — ответил я и направился к поручням. Начал карабкаться вверх, все выше взбираясь между спутавшимися канатами, все время проверяя, выдержат ли они мой вес, и стараясь не опираться на выблинки (веревочные ступеньки). Одолевая метр за метром, чувствуя, как воздух становится холоднее, обзор шире, рей и снастей меньше, я наконец достиг бом-брам-стеньги — самой высокой части мачты.

Меня окружала звездная ночь. Палуба осталась далеко внизу, очертания судна и снастей, по которым я только что карабкался, растворились во мраке. Вдали были видны огни Ленинграда. Я повернулся в сторону моря и представил себя во время шторма, работающим с парусами на такой высоте.

«Вот это жизнь!» И тогда я запел свою любимую песню:

«Поет пассат, как флейта, в такелаже,
Гудит, как контрабас, в надутых парусах,
И облаков янтарные плюмажи
Мелькают на луне и тают в небесах»**.*

* Ветер, дующий между тропиками круглый год, в Северном полушарии с северо-восточного, в Южном — с юго-восточного направления, отделяясь друг от друга безветренной полосой.

** Автор текста — Юрий Иосифович Визбор.

Мог потерять все

5 мая 1984 года

Но на вершине горы наслаждаться победой некогда. Надо еще спускаться вниз. Задули снежные вихри, заставили поспешить. Спуск давался тяжелее, чем подъем. Никак не мог подобрать ногу под вырубленные ступени. Пришлось рубить дополнительные опоры.

Спуск я начал по склону, прямо к котловине. По снежному насту зигзагами приблизился к леднику. Здесь решил спускаться по другому маршруту: хотелось быстрее добраться до моего лагеря у подножия Матачингая. И это было ошибкой: я потерял время и снаряжение, а мог потерять все.

Мне показалось, что снежный язык ледника тянется недалеко, да и угол наклона был всего лишь около 45 градусов. Сделал шаг, другой. Но не тут-то было, кошки плохо входили в спрессованный снег, приходилось с силой вгонять их в наст. Ноги быстро устали. Узкий кулуар ледника кончился неожиданным провалом, я поскользнулся, упал на спину и начал сползать в пропасть. Попытки удержаться не дали результата — мешал рюкзак. Скобой, намертво зажатой в руке, я уперся в лед. Но она со скрежетом ползла по нему.

Рюкзак попытался перевернуть меня вниз головой. Я сбросил лямку с левого плеча, с правого лямка слетела сама. Рюкзак кувырком полетел вниз, разбрасывая содержимое. Вес мой уменьшился, и я с такой силой прижал острие скобы ко льду, что наконец начал терять скорость и смог задержаться на самом краю этого ледового трамплина. «Вот и приехал,» — сказал я себе.

Теперь предстояло справиться с более трудной задачей — не сорваться в пропасть, постараться выбраться. Я осторожно

достал из-за спины ледоруб и вогнал его в лед. Проверил, выдержит ли эта ненадежная опора. Подтянулся на ней вверх по склону и начал карабкаться в сторону осыпи, к чернеющим вдали валунам.

Пока полз, прижимаясь животом к холодному снегу, ни разу не смотрел по сторонам. Но когда добрался до первого камня, вросшего в лед, и сел на него, закружилась голова и затряслись руки. С тоской посмотрел я на низкое небо и белую пелену, закрывающую горы и пропасть. Впервые почувствовал жуткую и бесконечную враждебность безмолвных просторов.

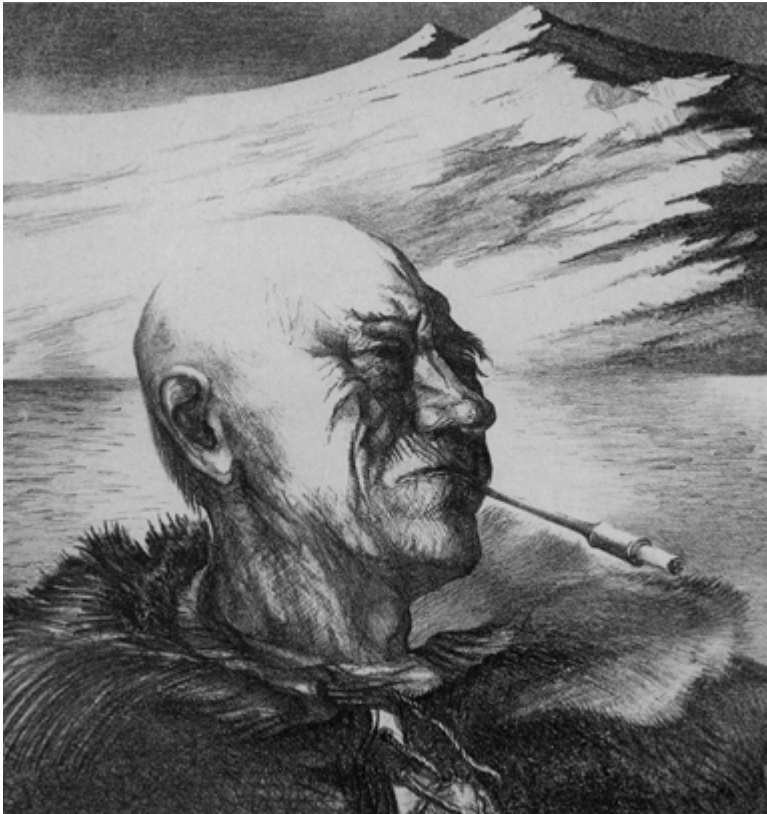
Было страшно, я был готов совсем раскиснуть, что уж никак не годится, когда находишься один в горах. Мне показалось, что я никогда больше не попаду в уютный мир людей. Мысли о людях и выдернули меня из состояния уныния, я попытался взять себя в руки, замедлил дыхание, затем несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Это помогло успокоить нервы. Подумал, что все могло обернуться гораздо хуже.

Поднимаясь на гору, я рассчитывал добраться до лагеря за три дня, то есть быть у себя дома, в палатке у подножия Матачингая, 8 мая. Теперь же, оставшись без веревки, запасной одежды и еды, нужно было подумать над новым планом. Самое разумное — возвращаться по той дороге, которая привела меня к вершине. Но найти ее было непросто: снег засыпал все следы. Если следовать по новому пути, то он обязательно пройдет через распадки, по которым часто идут лавины. В это время года они грохочут здесь одна за другой. Но путь будет короче, я мог выиграть часов двадцать. Идти или не идти? Идти — безумие, только случай или моя счастливая судьба могли уберечь меня от лавин. Не идти — замерзнуть здесь. Медлить было нельзя: ветер усиливался, на гребне горы появились «флаги» из снега.

Без четверти пять я начал спуск через лавиноопасные места. А к восьми что-то случилось с ногами. Не мог сделать ни шага.

Это, наверное, оттого, что несколько дней находился в вертикальном положении, даже спал сидя. Лег на спину, ноги положил на воткнутый в снег ледоруб. Полегчало.

Заполярные сумерки сгладили очертания скал, видимость ухудшилась. Дул небольшой ветер. За полчаса моего вынужденного отдыха выпало сантиметров пять снежной крупы. Я решил зарыться в снег и ночевать под ним. У меня уже был такой опыт ночевок, когда ездил на собаках с эскимосом Ата-той. Нам случалось спать под открытым небом в тридцатиградусные морозы. А сейчас было всего лишь около пятнадцати ниже нуля.

◀ *Каюр Атата.
Из цикла «Жизнь
и быт народов
севера»*

В моей памяти возник образ Ататы. Коренной полярный эскимос, он обладал схожими с европейскими чертами лица. Решусь предположить, что в Москве, одетого в цивильный костюм, его могли бы принять за русского. Однако улицы Москвы — это не та поверхность, по которой ему хотелось бы ходить, так как Атата — охотник. А его жена, Айнана, — одна из самых привлекательных и своенравных чистокровных эскимосок на всей Чукотке.

Охотнику Атате было сорок, когда мы встретились. Человек он оказался бывалый, немало побродивший по снежным просторам Арктики. Именно рассказы Ататы о моржовой охоте, белоснежной тундре, собачьих упряжках побудили меня увлечься и в конечном счете пуститься несколько лет назад в длительное и рискованное путешествие через всю Чукотку*.

Набросив капюшон на голову, лицо я воткнул в колени, спрятал от падающего снега. Стало теплее. До этого сменил мокрые носки, положил их на грудь под свитер для просушки. А те, что нес целый день обмотанными вокруг пояса, быстро надел, пока они не остыли. Холода не чувствовал. Блаженство от отдыха нарушали только мокрые носки на груди: вода струйками стекала от них по телу. Но руки и ноги были теплыми, пальцы шевелились — можно спать. Подумал, что за два часа не окоченею.

Возбуждение от смертельной опасности и досада на то, что потерял рюкзак, начали спадать. Хотелось есть, и я пожалел, что и крошки хлеба не съел с обеда. Обшарил карманы, надеясь найти хоть кусочек галеты, но они были пусты. Неудивительно, что чувствовал я себя паршиво, а раздражение достигло такой степени, что утешить меня смогла бы только любимая женщина или плитка шоколада с галетами. Предпочел бы первое, хотя вряд ли смог бы по-настоящему воздать ей должное.

* В 1981 году Федор Конюхов пересек Чукотку на собаках.

Я допустил тактический промах: нужно было предусмотреть подобную ситуацию и положить небольшое количество еды в карманы. Проклинаю собственную глупость, я пытался успокоить себя мыслью, что мизерный запас в карманах ничего бы не изменил. Хотя поступил я, как настоящий идиот. Каким бы сильным и энергичным ни был человек, все равно в горах нельзя с пренебрежением относиться к своему организму. Надо было регулярно есть, хоть и не хотелось, пить горячее — а я экономил бензин! Он тоже улетел в пропасть.

И еще я думал о жене и детях. Ведь обещал им, что весну пробуду дома. Весна пришла, только я не с семьей, а далеко на севере. И сейчас мое скорчившееся тело придавлено снегом, а душа мечется, словно бумажный змей на нитке, вознесенный в поднебесье леденящим ветром. Хорошо и покойно было мне под снегом, а мысли не могли утихомириться. Летели то к дому, то к друзьям и снова возвращались в горы.

В опасности

5 мая 1984 года

Я уснул, но спал недолго, около часа. Проснулся от ощущения, что в горах что-то неладно. Трудно объяснить, чем была вызвана тревога. Но проснулся я не от холода, а от страха — от необъяснимого предчувствия беды. Если бы я лежал в палатке, в спальном мешке, то поленился бы встать. А тут открыл глаза, поднял голову, посмотрел на горы. Снег идти перестал, ветер стих, четко просматривались вершины. Все было спокойно, но «шестое чувство», мой ангел-хранитель, продолжало предостерегать.

Я быстро встал, отряхнул снег и поторопился уйти с насиженного места. Оглянулся. Произойдет что-нибудь или предчувствие просто дразнит меня, лишая отдыха? Сделал несколько

шагов вверх и услышал позади несильный щелчок. В снежном покрывале горы пробежала трещина, и вдруг вся верхняя часть заснеженного склона пришла в движение. Снег понесся вниз. Лавина быстро разрасталась и мчалась прямо в ущелье. Вот уже все закрыли клубящиеся вихри. Грохот лавины, которая только что сползла из-под моих ног, напоминал грохот несущегося в туннеле экспресса. Нарушенную тишину повторяло многократное эхо, и долго еще были слышны скрежет, взрывы, свист. Все это вместе взятое порождало канонаду.

Симфония гор! Знаменитый английский альпинист Джордж Мэллори* говорил так: «День, проведенный в Альпах, подобен великолепной симфонии». И он же, словно предвидя, чем грозит попытка покорить Эверест, давал своему биографу повод написать, что «день, проведенный на Эвересте, может оказаться больше похожим на гигантскую какофонию, которая завершится мертвой тишиной».

Мэллори находил в горах чисто эстетическое удовлетворение. Горы любил той любовью, которая заглушила все и поглотила всего его — сначала душу, а затем и тело. Он был первым, кто прокладывал путь на высочайшую вершину мира — Эверест. Альпинист сравнивал: «То, что происходит с нами, ничем не отличается от того, что происходит с теми, у кого, скажем, есть дар к музыке или рисованию. Посвятив себя им, человек приносит в свою жизнь немало неудобств и даже опасностей, но все же самая большая опасность для него — это отдать всего себя искусству, потому что оно то неизведанное, зов которого слышит в себе человек. Уйти от

* Мэллори, Джордж (1886–1924) — английский альпинист, предпринявший попытку восхождения на Эверест (Джомолунгму) еще в 1924 году. По общепринятой версии, погиб на пути к вершине. Существует также предположение, согласно которому он погиб уже при спуске (в этом случае он, а не Эдмунд Хиллари с Тэнцингом, должен считаться покорителем Эвереста). Его тело было найдено в 1999 году на высоте 8155 метров Конрадом Энкером в ходе специальной экспедиции на Эверест.

того зова — значит засохнуть, как гороховый стручок. Так и альпинисты. Они принимают предоставляемую им возможность подняться на вершину, следуя зову неизведанного, которое они в себе чувствуют».

Джордж Мэллори был участником трех первых экспедиций на Эверест в начале двадцатых годов. 8 июня 1924 года он и еще совсем молодой альпинист Ирвин были полны решимости покорить гигантскую гору.

Они навсегда скрылись в тумане окружавшем вершину... Лишь девять лет спустя на высоте 8450 метров был найден ледоруб Мэллори. Добрался ли он до вершины со своим молодым другом, и что было причиной их гибели — об этом не узнает никто и никогда. Может быть, они попали в такую же лавину, которая только что сползла из-под моих ног, и до сих пор отголоски ее грохота разносятся над Матачингаем. Я представил, что творится на Эвересте, если здесь, на небольших высотах, белая смерть сносит все на своем пути.

Надо обязательно проснуться

5–6 мая 1984 года

Уходя от опасного места, я почувствовал, что на меня вновь накатывается смертельная усталость. После отдыха почему-то тяжелее стало передвигаться. Каждый шаг превратился в пытку. Белизна снега начинала действовать на нервы. Невыносимыми стали холод и сырость. На склонах начал терять равновесие. Но я понимал, что должен как можно скорее добраться до палатки. И потому шел, полз, карабкался без передышки. «Надо быстрее, быстрее», — твердил я себе.

Неимоверно долгим показался мне этот путь. Я запутался во времени, полярный день сбивал с толку: восемь вечера или

восемь утра? Посматривал на небо: может, солнце проглянет между тучами и поможет определить время суток. Я безмерно устал и порой готов был сказать себе: «Хватит, лягу, передохну». Но сползал все ниже к подножию горы, потому что понимал: там, в палатке, — спасение.

От царящей вдруг тишины у меня начало звенеть в правом ухе. По народному поверью, надо загадать желание и спросить кого-нибудь — в каком ухе звенит? Но вокруг никого не было, и я сам себе загадал желание: жить! жить! жить!

Начало смеркаться. Над горизонтом, пробив сумерки полярной ночи, замигала звездочка, напоминая свет родного дома. С каким наслаждением появился бы я сейчас там, у знакомого порога, сбросил бы с плеч тяжелые невзгоды, мучительные дни неудач и километры, отделяющие от дома. Но сегодня крышей над головой мне снова будет куртка, наброшенная на выкопанную в снегу нору. Я сел в нее, всмотрелся в проем «двери». Огромный простор вселенной, открывшийся внезапно передо мной, как никогда казался необъятным. Никогда звезды не были такими далекими и такими холодными, как в эту наступающую ночь.

Закрыв глаза, и меня тут же потянуло в сон. «Проснуться через два часа! Через два часа! — твердил я себе. — Проснуться! Если не проснешься, снежная нора станет твоей могилой». Я вбивал в извилины своего мозга эти слова, и мозг запоминал их, помещал в самые отдаленные свои клетки, чтобы в нужный момент встряхнуть мое тело, заставить его подняться.

Уснул так же, как во время первой ночевки, уткнув лицо в колени и обхватив голову руками. Так велика была усталость, что даже не почувствовал, как оттаявшие на груди носки начали пускать по телу холодные струйки. С каждой минутой глубочайшего сна усталость уходила, а взамен вставал у входа в снежное жилище вечный покой.

Но он не дождался своего часа. Закричали, застонали самые далекие клеточки мозга, упрятавшие команду к побудке, и через два часа я подскочил, снеся головой снежную крышу. Сердце бешено стучало. Я еще не открыл глаза, но уже стоял, чуть шевеля телом. Мороз сковал его, и я начал прыгать — сначала потихонечку и невысоко. Постепенно прыжки становились все быстрее, все выше. И так прыгал я на месте, пока не почувствовал, как возвращается в мышцы тепло.

Я огляделся: луна освещала чукотские горы, бросала от них тени в глубокие долины. «Надо идти, — сказал я вслух, — идти, ползти, но двигаться к палатке». Сделал шаг, другой. И потащился вниз, втыкая в снег ледоруб и опираясь на него руками. Ночь подморозила снега, они вцепились в скалы и не падали вниз. Если не считать этой удачи, мое положение было трагичным.

На рассвете добрался до ледяного кулуара, по которому, судя по следам, только вчера прошел ледопад. Кулуар был завален огромными глыбами льда, по ним предстояло карабкаться. С трудом заставил себя взобраться на один такой ледяной постамент, присыпанный ровным слоем снега, издали напоминающий однажды увиденных белых лебедей в заснеженной тундре.

Тогда мы с Ататой, моим верным другом в походах по северу, возвращались с охоты на нартах, запряженных собаками. Как я досадовал, что оставил фотоаппарат в поселке! Лебеди на снегу — такое увидишь нечасто. Чтобы не спугнуть их, мы сделали большой круг. Атата до самого поселка рассказывал сказку, как давным-давно летели в небе Облака. Вдруг смотрят — Тундра! Облака сказали: «Отдохнем, посидим, тут намного лучше, чем в небе». Закричали Облака: «Тундра! Тундра! Прими нас!» Тундра засмеялась и сказала: «Садитесь, только уже не будете Облаками, я вас сделаю птицами — Лебедами».

Что ж, возможно, что и сейчас не белые ледяные глыбы, а стая лебедей села в этот злополучный кулуар.

Мною овладел страх: казалось, что стихия только и ждет, когда я попаду в эту ловушку. Стоит мне туда зайти, и горы тотчас обрушат на меня лавину. Я отчетливо представил, как до моих ушей доносится грохот, потом увидел и сам ледопад, несущийся с бешеной скоростью. И ничего я не смогу сделать, не смогу уйти с его дороги! По таким глыбам льда я не успею ступить и шагу, как меня заживо замурует. Да, пока я не доберусь до своего лагеря, у меня не будет уверенности, что я останусь в живых.

Сдерживая дыхание, осторожно, чтобы не нарушить покоя гор, я переступал с одной ледяной глыбы на другую. Затем, чтобы не испытывать судьбу, решил двигаться быстрее и уже прыгал с глыбы на глыбу.

Впереди лежал заснеженный распадок, покрытый ровным фирновым снегом: никаких признаков, что по нему проходят лавины. Но до него еще надо было добраться. Последние прыжки по завалу из ледяных глыб давались с трудом, и я бухал ногами по льду, словно кузнец молотом по наковальне.

Но вот наконец заснеженная равнина. Над ней нависала шапка снега, пока еще скованная морозом. Сил уже не было, и я на четвереньках пополз подальше от опасного места.

А сверху уже действительно мчалась лавина. Сначала она маленькой точкой беззвучно летела в кулуар. Но очень быстро точка превратилась в раздутый шар, увеличилась до размеров пятиэтажного дома и ударилась в то место, где я был несколько минут назад. Ударилась и взорвалась тысячами осколков. Они долетали до меня и вонзались в снег за моей спиной. Кулуар наполнился грохотом, стоном, свистом, плачем и воем.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

